

История завещания Циолковского

Н.А. Максимовская

Статья опубликована: «Меценат» (Калуга). 2005. 30 сентября. № 10. С. 4-5.

70 лет назад, в последние дни своей жизни, основоположник теоретической космонавтики Константин Эдуардович Циолковский оставил завещание своих трудов, адресованное И.В. Сталину и впервые опубликованное 17 сентября 1935 г., за два дня до смерти ученого. Архив Циолковского по решению правительства был передан Гражданскому воздушному флоту. Он включал около 500 рукописей, около 3000 писем и ряд опубликованных работ ученого. С 1948 г. он находится в архиве Академии наук. Возможно, благодаря этому историческому акту творческое наследие Циолковского сохранилось. Сегодня оно принадлежит нашему государству, народу.

До последнего времени не было известно, мог ли тяжело больной ученый сам написать письмо Сталину, как отмечалось в прессе и литературе, и существовало ли в действительности это письмо-завещание? Во все годы советской власти оно назойливо цитировалось в средствах массовой информации и потому, вероятно, еще на слуху у многих наших читателей.

Об истории письма-завещания Циолковского, о том, как был найден этот документ, рассказывает старший научный сотрудник Государственного музея истории космонавтики Надежда МАКСИМОВСКАЯ.

Все началось с моего знакомства с внуком Константина Эдуардовича Циолковского Владимиром Ефимовичем Киселевым, предложившим мне для изучения записные книжки его приемной матери – старшей дочери ученого Любови Константиновны. Копаюсь в бесчисленных записях, расшифровывая их, я наткнулась на следующие строки: «Перед смертью, конечно, он (Циолковский – Н.М.) думал о судьбе своих трудов, но он сам не написал бы такого письма... Написать такое длинное письмо для умирающего было совершенно невозможно». Там же была зачеркнутая Любовью Константиновной (или кем-то еще) фраза: «Он никогда не считал Сталина мудрым, а наоборот, очень ограниченным человеком». Как говорится, информации более чем достаточно для постановки научной проблемы.

Но прежде, чем «с места в карьер» пуститься, в описание похожей на детективную истории, напомним читателю текст письма-завещания Константина Эдуардовича от 13 сентября 1935 г. Суть его в следующей фразе:

«Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти – подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды...»

А начиналось завещание словами, вызвавшими негодование Любови Циолковской, которая усомнилась в правдивости переданной ей днем позже от отца, находившегося в Калужской железнодорожной больнице, записки с текстом его письма Сталину:

«ЦК ВКП (б) – вождю народа – тов. Сталину. Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, тов. Сталин!»

Записку эту Любови Циолковской принес представитель Осоавиахима, передавший также слова Константина Эдуардовича: «Она умница и поймет». Любовь поняла, но по-своему (запись из ее дневника: «Явился Ильин и показал мне письмо, написанное якобы под диктовку отца Сталину. Там есть слово «мудрейший». Наверняка знаю, что отец его так не назовет»).

Максимализм и прямолинейность суждений бывшей «социал-демократки», несмотря на некоторую их, как мне показалось по дневниковым записям, противоречивость, подстегнули желание поиска. Подлинник письма-завещания Циолковского был найден довольно скоро. Этому предшествовали многочисленные беседы со старожилами Калуги, родственниками ученого, ветеранами музея, архивистами, журналистами.

Особенно запомнилась встреча с бывшим журналистом газеты «Коммуна» Леонидом Владимировичем Михелем. Он относился к числу людей, составлявших особо ценный, теперь почти растворившийся во времени культурный пласт Калужской земли. Он высказал предположение о причастности к завещанию Бориса Трейваса, первого секретаря Калужского райкома партии (в 1935 г. Калуга входила в Московскую область).

Началась «охота» за материалами, связанными с Трейвасом. Но она продолжалась недолго – информации об этом человеке практически не было; он был репрессирован и расстрелян в 1937 г.

ЦК ВКП(б)—вождю народа тов. СТАЛИНУ

Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, т. СТАЛИН!

Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки; лишь Советская власть и партия ЛЕНИНА—СТАЛИНА оказали мне действительную помощь. Я почувствовал любовь народных масс и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако, сейчас болезнь не дает мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванью и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

Всею душой и мыслями Ваш,
с последним искренним приветом всегда Ваш

К. ЦИОЛКОВСКИЙ.

13 сентября 1935 г.

Знаменитому деятелю науки
товарищу К. Э. Циолковскому

Примите мою благодарность за
тесное, полное доверия к партии
большевиков советской власти.

Желаю Вам здоровья и дальнейшей
плодотворной работы на пользу
трудящихся.

Жму Вашу руку.
И. Сталин.

Заведующая Государственным архивом Калужской области Лидия Сапожникова участливо отнеслась к просьбе помочь в поиске документа и порекомендовала обратиться в несколько московских архивов, предоставив их адреса. Не знаю почему, но РЦХИЛНИ я выбрала первым в этом списке – и попала в точку. Вернее, почти в точку, потому что, как выяснилось, в этом архиве хранятся письма и телеграммы, написанные Сталиным. Совершенно неожиданно нашелся другой важный документ – ответная телеграмма Сталина Циолковскому – текст, написанный и подписанный рукой Иосифа Виссарионовича: «Знаменитому деятелю науки товарищу К.Э. Циолковскому. Примите благодарность за письмо, полное доверия к партии большевиков и советской власти. Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу трудящихся. Жму Вашу руку. И. Сталин».

Итак, завещания Циолковского в РЦХИДНИ не было и быть не могло. Никогда не забуду, как мне помогали десятки сотрудников этого архива, активно подключившихся к поиску документа. Стало ясно, что письмо-завещание Циолковского надо искать... в Архиве президента Российской Федерации (АПРФ).

Это был настоящий праздник души, когда на запрос Государственного музея истории космонавтики фельдъегерской почтой – с молниеносной скоростью – пришел ответ из архива президента. В большом фирменном конверте АПРФ лежали копия подлинника письма-завещания Циолковского и несколько других относящихся к этому делу материалов, тоже в виде копий, связанных с рассмотрением завещания в высшей инстанции – ЦК ВКП(б), указанием его передачи Иосифу Виссарионовичу и в печать, а также срочной передачей по линии НКВД подлинника письма-завещания из Калуги в Москву. Письмо-завещание было написано не рукой Циолковского. Оно представляло собой писарскую запись, выполненную чернилами на лицевой и оборотной сторонах разлинованного листа и дополненную на обороте карандашным автографом ученого: «13 сент. 1935 г. С последним искренним приветом всегда Ваш К. Циолковский». Автограф Циолковского, подлинность которого не вызывала сомнения, свидетельствовал о принадлежащем ученому авторстве его письма-завещания.

Последовала серьезная исследовательская работа. Первое, что пришлось предпринять, – сделать запрос относительно даты, проставленной на письме-завещании. Сотрудники АПРФ указывали в сопроводительном письме дату 15 сентября 1935 г. На копии дата выглядела и как 13 сентября, и как 15-е. Сколько прений и споров было по этому поводу! Гадали всем музеям, но к единому мнению не пришли. Возникал вопрос: какие же события могли произойти, если текст был написан в один день, а подписан двумя днями позже? Во всех источниках письмо датировалось 13 сентября. Сделали уточняющий запрос, АПРФ внес поправку в дату – 13 сентября. Чудеса, да и только! Дело в том, что присланная нам копия документа была сделана с микрофиши. Сотрудникам АПРФ пришлось уточнять дату по подлиннику. Выяснилось, что по странному стечению обстоятельств чернильная пометка с лицевой стороны листа прошла на оборотную и точно легла (невероятное совпадение!) прямо на верхнюю часть цифры «3», создав и на микрофише, и на бумажной копии иллюзию пятерки, внесшей путаницу в ход исторических событий сентября 1935 г.

Следующая задача заключалась в определении лица, записавшего текст письма-завещания – автора писарской записи. Кто это мог быть: жена Циолковского, кто-либо из его дочерей, внуков, врачей, журналистов?.. Решить эту задачу не удавалось в течение нескольких месяцев. Но накопленная информация о ближайшем круге лиц ученого заставила сработать интуицию – Борис Монастырев, его стиль речи! Монастырев работал в то время журналистом в газете «Коммуна», был знаком Константином Эдуардовичем, встречался с ним, писал о нем. Оставалось только подкрепить сделанное открытие анализом почерка.

Но визуальное сличение писарской записи с автографом Монастырева более позднего периода неожиданно поставило в тупик. Почерки двух разных документов, казалось, были мало похожи, и, самое главное, в автографе Монастырева и фондов музея не было того отличительного признака, который был характерен для писарской записи письма-завещания: черточки над буквой «п». В растерянности листая тетради с воспоминаниями этого журналиста о Циолковском, я вдруг увидел ту самую черточку над «п» на одно из страниц – потом еще и еще. Оказывается, не сразу утрачиваются не только привычки, но и особенности нашего почерка. Графологическая экспертиза, проведенная специалистами, подтвердила, что почерк, которым выполнена запись письма-завещания Циолковского, принадлежит Монастыреву.

Собранная информация постепенно выстраивалась в хронологический ряд с картинками и лицами. Более полно реконструировать события, связанные с последними днями жизни Константина Эдуардовича помогла счастливая случайность. В 2000 г. я познакомилась с Марком Ивановичем Петуховым, который участвовал в обсуждении письма-завещания Циолковского во время визита секретаря райкома партии Трейваса с группой журналистов в больничную палату Калужской железнодорожной больницы, где ученый находился с 8 по 19 сентября 1935 г. Марк Иванович возглавлял тогда один из отделов железнодорожной газеты «Политотделец» и одновременно был внештатным корреспондентом ТАСС. Именно он передавал в Москву всю информацию о состоянии здоровья Циолковского, которая шла затем в средства массовой информации.

Опуская отдельные подробности, пользуясь в основном документами и материалами воспоминаний, попробую описать общую картину последних дней жизни ученого.

8 сентября Циолковский был доставлен в Калужскую железнодорожную больницу. Здесь в 23 час. 20 мин. ему была сделана операция по поводу рака желудка. Состояние здоровья и жизнь Константина Эдуардовича находились под постоянным контролем ЦК ВКП (б). Каждый день в материалах центральной и калужской прессы печатались врачебные бюллетени о здоровье ученого.

Инициатором письма Циолковского Сталину был секретарь Центрального Комитета Лазарь Каганович. Позвонив секретарю райкома партии Борису Трейвасу, он дал «установку» на составление завещания трудов Циолковского. Политический характер этого важного документа требовал соответствующего обращения к лицу высшего ранга и выдержанности в духе принятых для сталинских времен требований. Это указание, а точнее, приказ был осуществлен 13 сентября, когда самочувствие Циолковского резко ухудшилось. Однако, несмотря на тяжелое состояние, ученый был в сознании, полном разуме и трезво оценивал обстоятельства. Циолковский был готов к обсуждению вопроса, касающегося определения будущей судьбы его трудов. Он думал об этом и раньше. Еще до больницы ученый начал разбирать вместе с дочерью Любовью свое наследие.

Но судьба его была определена волевым политическим решением сверху. Трейвас оперативно решает задачу с учетом сложившихся обстоятельств. Естественно, что для Циолковского было бы чрезвычайно трудно (или даже невозможно) собственноручно разборчиво и четко написать свое завещание. Трейвас дает задание составить заготовки текста письма-завещания сразу нескольким лицам: наиболее приближенному к нему журналисту «Коммуны» Монастыреву, корреспонденту ТАСС с безупречной партийной и с трудовой биографией Петухову и, очевидно, некоторым другим журналистам.

Заготовки и общая заготовка письма были составлены быстро, по всей вероятности, в спешке, возможно, даже на ходу. Трейвас пришел в палату к Циолковскому в сопровождении журналистов, в числе которых был Петухов.

Любовь Циолковская, отличавшаяся независимостью суждений и непредсказуемостью поведения, была изолирована умелыми действиями Трейваса. По просьбе врача она должна была съездить за лекарствами, в дороге была инсценирована поломка автомобиля. Таким образом, было продлено время ее отсутствия в больнице, поскольку она могла помешать делу или даже провалить его.

Здесь, в палате, состоялся серьезный разговор Трейваса и журналистов с Циолковским относительно составления завещания его научных трудов и вопроса, кому его адресовать, а также обсуждение и согласование с ученым текста письма-завещания. Вот что об этом рассказывает сам Петухов:

«Циолковский не был подготовлен к написанию завещания. Кроме того, он разделял понятия «партия» и «власть». По указанию же Кагановича результатом переговоров с ученым должно было стать письмо-завещание, адресованное руководителю Коммунистической партии И.В. Сталину. Мы понимали, что нужно очень осторожно и деликатно подойти к этому, и начали издали. Трейвас спросил у ученого, как он пожелал бы распорядиться своими трудами. Константин Эдуардович ответил: «Наверное, их следует передать Осоевяхиму». Мы попытались ненавязчиво объяснить Константину Эдуардовичу, что есть более надежные и авторитетные инстанции или лица...

Также одним из предложений Циолковского было передать свое наследие председателю ВЦИК М.И. Калинину. «Я верю ему, – сказал Константин Эдуардович. – Это очень честный, добросовестный человек». Трейвас согласился с этим, затем сказал, что есть еще более выдающийся в этом отношении человек, и начал постепенно подводить ученого к мысли завещать труды Иосифу Виссарионовичу Сталину. Мы говорили о том, что олицетворение всего в стране – это Сталин, что Сталин – это все, что без него ничего не делается, что это умный, выдающийся руководитель и философ и т.д. Константин Эдуардович держал слуховую трубу, и так мы говорили минут пятнадцать.

Весь же разговор во время этой встречи длился гораздо дольше. Циолковский был очень слаб. Говорить с ним было невероятно тяжело. Трейвас начинал, мы продолжали... подхватывая мысль. Говорили мы уверенно, хотя и немного робели перед личностью

Циолковского, ведь я, в частности, был обычным журналистом. Наконец мы перешли непосредственно к письму-завещанию.

Циолковский лежал в кровати, говорил он сравнительно хорошо, но диктовать завещание не мог.

Трейвас зачитал один из подготовленных вариантов завещания, в который вошла и моя фраза, признанная при обсуждении патриотичной: «Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед». Константин Эдуардович вслушивался в текст письма, иногда переспрашивал что-либо или произносил слово «непонятно». Циолковский уважал Трейваса; в конце концов, очевидно, проникся доверием и к нам, журналистам. Он даже попросил врача, вошедшего в палату уже после нашей продолжительной беседы, для того чтобы сделать Константину Эдуардовичу укол, подождать и дать нам возможность довести дело до конца».

Несколько слов относительно самого начала письма-завещания («Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, тов. Сталин!»). По этому поводу Марк Иванович высказался так: «...мы не могли написать иначе. Слова «уважаемый» или «дорогой» по отношению к вождю были неприемлемы для того времени и выглядели бы как фамильярное обращение».

Составленное письмо-завещание Трейвас не дал сразу на подпись ученому. В обязательном порядке нужно было согласовать текст с Кагановичем. Акт авторизации Циолковским этого документа был осуществлен в тот же день при повторном визите Трейваса в больницу. Текст письма-завещания был передан Петуховым по телеграфу в Москву. По воспоминаниям Марии Селиверстовой, секретаря президиума горсовета, жены Трейваса, после подписания Циолковским письма-завещания она сразу же поехала на поезде в Москву и по прибытии туда утром следующего дня отвезла одну копию письма-завещания в ЦК партии, другую – в газету «Правда».

Передача Сталину письма Циолковского была задержана. В срочном порядке решался вопрос с подлинником. Б. Таль запрашивает через секретную инстанцию «З.И.» подлинник письма-завещания. 15 сентября подлинник пересылают из Калужского горотдела Управления НКВД начальнику Управления НКВД Московской области Реденсу. Таль получает подлинник и передает его с сопроводительной запиской Кагановичу. Каганович, ознакомившись с материалом, вначале решает отправить Сталину текст письма телеграфом, затем перечеркивает эту визу на сопроводительном письме Талья и там же размашистым почерком карандашом делает другую визу: «Т. Сталину. Посылаю письмо Циолковского. Сегодня даем в печать». Письмо Циолковского вместе с ответной телеграммой Сталина, переданной его шифровальщиком 16 сентября в 23 час. в Москву (Сталин был в тот день за пределами столицы), а затем отправленной в Калугу, были опубликованы 17 сентября в «Правде» и «Известиях». Очевидный факт – текст письма-завещания не мог быть опубликован раньше, чем он был прочитан Сталиным.

Кроме того, ответственный руководитель ТАСС Долецкий должен был прояснить ситуацию с противоречивыми сообщениями о состоянии здоровья Циолковского, печатавшимися в те дни в прессе. Дело в том, что два журналиста, которых, по словам Петухова, не пустили в палату к Циолковскому, дали в центральную прессу информацию о том, что состояние ученого крайне тяжелое. Естественно, у руководства возник вопрос, как же тогда ученый мог написать завещание? В 4 часа утра – очевидно, это было 15 сентября – Долецкий позвонил Петухову. С волнением в голосе он спросил: «Что у вас происходит? Почему в газетах пишут, что Циолковский невменяем? Кто писал это письмо? Как его переправляли?»

Марк Иванович дал на это следующие объяснения: «Я ответил Долецкому, что завещание написано по распоряжению Кагановича, что оно составлено по инициативе Трейваса, что оно согласовано, что Циолковский, хотя и в тяжелом состоянии, но в здравом уме... Также я объяснил Долецкому, что слово в слово передаю в ТАСС информацию о состоянии здоровья Циолковского, получаемую от врачей, исключая только неблагозвучные медицинские термины... После этого Долецкий, доверявший мне... (я много печатался, имел благодарности ТАСС), сообщил мне, что письмо будет опубликовано в «Правде».

17 сентября, в 78-й день своего рождения, Константин Эдуардович получил красивую депешу с грифом «срочно» и красной полосой. Это была правительственная телеграмма от Сталина. Ученый оживился, даже слегка приподнялся. Потом сказал: «Я думал, что не ответит. Надо ответить». Вот текст ответной телеграммы Циолковского: «Москва, товарищу Сталину. Тронут Вашей теплой телеграммой. Чувствую, что сегодня не умру. Уверен, знаю: советские дирижабли будут лучшими в мире. Благодарю товарища Сталина!» Своей рукой ученый приписал: «Нет меры благодарить. Циолковский. 17 сент.».

Константин Эдуардович Циолковский умер 19 сентября в 22 час. 34 мин. Заключение врачей о смерти Циолковского Петухов получил из железнодорожной больницы по городскому телефону. Держа в руках сразу две трубки, он тут же передал это сообщение в Москву по второму телефону – так называемому телефону «фикс». Через 20 минут по радио прозвучало сообщение ТАСС о кончине великого ученого.

Похороны Константина Эдуардовича превратились в грандиозное траурное шествие, в котором, по сообщениям прессы, приняло участие около 50 тысяч человек.

P.S. Благодарю всех калужан и москвичей, оказывавших помощь в поиске документов, относящихся к последнему периоду жизни К.Э. Циолковского.